

Люди с большого корабля / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Люди с большого корабля / рассказ ЛЮДИ С БОЛЬШОГО КОРАБЛЯ

Как это часто бывает в маленьких портовых городках, маршруты трамваев сходились к гавани. Но до конца пути было еще далеко, и на остановке вожатый на минутку выскочил из вагона купить себе сигарет.

Сойдя на землю, он остановился, рассеянно глядя на пеструю толпу, вливавшуюся в вагон. Пестры были не только платья, но и лица людей – белые, смуглые, почти черные. Мэр города в каждой речи своей не забывал упомянуть о том, что их город славится своей либеральностью – здесь неграм разрешается ездить с белыми в общих вагонах.

Но вожатый, невысокий и немолодой уже человек, глядя на пассажиров, думал вовсе не о преимуществах своего города. Он пересчитывал немногие монеты в своем кармане и думал о том, что сигареты, пожалуй, можно продолжать покупать. Если не будет сокращения, если не будет забастовки, с деньгами он обернется. Правда, два «если» несколько настораживали.

В прошлом году у него уже были четыре месяца, когда он не мог позволить себе ни сигарет, ни других, более необходимых вещей, как, например, хлеба в достаточном количестве. Пренеприятное время! Когда нет работы, удивительным образом начинаешь ощущать свои руки! Они все время напоминают о себе, не знаешь, куда их девать.

Только чтобы занять их чем-нибудь, он принялся тогда вырезать из дерева человечков. Правда, он и в юности занимался резьбой по дереву. Сосед – состоятельный человек – в свое время говаривал его матери: «Если бы вашего парня обучить, из него мог бы, пожалуй, получиться настоящий скульптор».

Скульптора, конечно, не получилось. Очень уж много в жизни этих «если».

Будучи безработным, он все-таки вырезал своих человечков в тайной надежде продать хоть одного, и решив, что, в крайнем случае, их всегда можно будет сжечь, как простые щепки.

Покупателей — как и следовало, впрочем, ожидать — не нашлось, но жечь человечков почему-то стало жалко. Так и остались они вместе с ним и безмолвно приветствуют его, когда он возвращается в свою комнатуху. Но беда будет, если снова придется заняться их изготовлением — с него хватит и этих.

Купив сигарет, вожатый сразу закурил и побежал обратно к вагону.

Трамвай уже набирал скорость, когда сзади послышался шум и женский крик. Вожатый, нахмурясь, притормозил — еще не хватало несчастного случая! — но увидел в зеркале, что два моряка успели подхватить какую-то женщину — мелькнул только край ее платья — и помогли ей войти в вагон.

«Ну и хорошо!» — вожатый терпеть не мог женских криков. Может быть поэтому он и не женился. Ведь трудно предположить, чтобы в нынешней жизни какая-нибудь женщина обошлась без крику. Вот деревянные человечки, те молчат.

Однако не прошло и нескольких минут, как за его спиной в вагоне послышались голоса, сначала спокойные, потом все более возбужденные, разговор перерастал в перебранку, и, мельком заглянув в вагон, вожатый сразу понял, в чем дело. Теперь он вел трамвай, напряженно прислушиваясь и держась за рычаг так, словно это была палка, которой в крайнем случае можно и воспользоваться.

В вагоне же произошло следующее. Как только трамвай тронулся, к дверце его подбежала негритянка с ребенком на руках. Ухватившись за поручни, она неудачно попыталась вскочить в трамвай. Один из моряков выбежал на площадку и, ловко подхватив женщину, ввел ее в вагон. Поскольку все сиденья были заняты, он уступил ей свое место, а сам, широко расставив ноги, остался стоять возле своего товарища.

Моряк очень удивился, заметив, что женщина не воспользовалась его любезностью.

— Ребенка держать тяжело. Почему вы не садитесь? — спросил моряк по-английски. Говорил он с акцентом и мягкие английские

«эр» в его произношении раскатывались грозным рокотом «р-р-р!» Услышав этот акцент, пассажиры внимательно оглядели обоих моряков, задерживаясь взглядом на маленьких пятиконечных звездах на рукавах их темных форменок.

— Благодарю вас, сэр, но... лучше я постою, — тихо проговорила негритянка. — Видите ли, по обычаям нашего города, негру не подобает сидеть, когда стоит белый.

Моряк посмотрел на негритянку, на своего товарища. На молодом подвижном лице его появилось напряженное выражение, словно бы он принужден был вспоминать что-то давно забытое и неприятное. Веселые морщинки вокруг его глаз разгладились, и он громко, как бы адресуясь не только к женщине, сказал:

— Это я уступил вам место. Я и отвечаю. Садитесь!

Женщина села. Она сидела совершенно тихо, не шевелясь, низко наклонив лицо к одеялу, в которое был завернут ее ребенок. Моряк с любопытством и участием посмотрел на его маленькое темное личико. Поблескивая ослепительными белками, ребенок неторопливо переводил глаза с предмета на предмет. Он глядел так, как глядят все маленькие дети — внимательно, строго и даже важно, как будто только они, дети, знают то единственно верное и необходимое, что уже успели позабыть хлопотливые, беспокойные взрослые люди.

Моряк вздохнул и, повернувшись спиной к матери и ребенку, загородил их собою от толпы.

Пассажиры, до сих пор сохранявшие молчание, начали перешептываться. И вот один из них, пожилой, элегантно одетый джентльмен в широкополой фетровой шляпе, откашлялся и заговорил гораздо громче, чем это было бы нужно, если б он обращался только к моряку.

— Видите ли, молодой. Человек, наш город славится своим либеральным отношением к неграм. В других городах, например, чернокожим разрешается ездить только в специальных вагонах. Как люди терпимые и гуманные, — говоривший обвел глазами пассажиров и, словно получив подтверждение своей мысли, продолжал еще громче, — как люди гуманные, мы не требуем высадить эту чернокожую Клеопатру с ее наследным принцем. Но уступить место негритянке, это уж слишком! И то, что она

держит в руках эту завернутую в тряпки головешку, нас не касается!

– Мой ребенок болен, но я могу освободить место. Я сейчас освобожу место, – робко отозвалась негритянка, снизу вверх взглянув на моряка. В голосе ее звучали растерянность и легкий упрек моряку, который уступил ей свое место и возбудил эти пересуды. Но больше всего было в ее голосе страха: «Ох, уж эти пересуды! Они всегда начинаются с таких на вид мирных разговоров, а кончаются...»

Но моряк, похоже, и не услышал ее голоса. Он стоял, не сдвинувшись с места, высокий, широкоплечий, заслоняя собой мать и ребенка, и джентльмен в широкополой шляпе умолк, скользнув взглядом по его могучей фигуре. Никто в вагоне не решился поддержать джентльмена и, наверное, ничего бы не произошло, если б один из вновь вошедших пассажиров, долговязый, кажется, не слишком трезвый парень, не крикнул, указав пальцем на женщину с ребенком:

– Кондуктор! Оказывается, я вынужден стоять в то время, как в вашем вагоне преспокойно восседает негритянка! Ну и порядки, нечего сказать!

– Ей уступил место этот моряк, – испуганно ответила кондукторша, – обратитесь к нему, сэр! Кто еще не взял билета? Удивленно и насмешливо присвистнув, долговязый повернулся к моряку и увидел пятиконечную звезду на его рукаве. Удивление на лице долговязого мгновенно сменилось настороженностью, почти злобой. И следа веселого хмеля не осталось в его голосе, когда он спросил:

– Это вы уступили место негритянке?

Моряк молчал.

– Я вас спрашиваю, это вы уступили место чернокожей?

– Вы ко мне обращаетесь, сэр? – спросил моряк, чуть повернув голову к долговязому.

– А то к кому же?

– По какому делу, сэр?

– Я спрашиваю, это вы уступили место негритянке?

– Я уступил место женщине с ребенком. Не думаете ли вы, что я должен был бы сохранять его для вас, сэр?

— Это неслыханно! — вскрикнул джентльмен в фетровой шляпе. Было даже странно, что такой плотный большой человек может кричать таким визгливым тонким голосом. Щеки его порозовели. Он оживился. — Это неслыханно! Он не просто уступил место негритянке! Он оскорбил культуру белых людей, да! Это уже пропаганда!

Джентльмен оперся на палку с резным набалдашником, готовый встать, пассажиры зашевелились, в вагоне сразу стало как-то душно и тесно. Моряк, исподлобья оглядывающий окружающих его людей, вдруг почувствовал поддержку. Его товарищ молча поднялся и встал рядом с ним.

Вагончик дребезжа мчался к гавани гораздо быстрее, чем полагалось ходить городскому трамваю, но никто не обращал на это внимания.

Долговязый, сплюнув жевательную резину, шагнул к моряку. Кое-кто из пассажиров поднялся.

В эту минуту трамвай вдруг резко затормозил. Потеряв на миг равновесие, люди пошатнулись. Невысокий, пожилой вожатый, заглянув в вагон, поманил долговязого, улыбаясь ему и подзывая его уважительно:

— Сэр, одна минута! Подойдите сюда! Сейчас все будет в порядке, сэр!

Крикни он, может быть его и не услышали бы, но он приглашал так тихо, так вежливо, что голос его был услышан сразу, и долговязый вышел на площадку, удовлетворенно сообщив пассажирам:

— Очевидно, здесь полисмен.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное. Вожатый внезапным пинком толкнул долговязого на мостовую и тотчас повернул рычаг. Трамвай рванулся. Вслед ему неслись проклятия и ругань! Моряки переглянулись! Один из них опять сел, а стоявший отер лоб под бескозыркой, будто ему вдруг стало жарко.

На следующей остановке, уже недалеко от гавани, джентльмен в фетровой шляпе, бормоча что-то невнятное, сошел и тотчас исчез в толпе. В трамвай входили матросы, кочегары, докеры. На негритянку с ребенком теперь никто не обращал внимания, зато

многие откровенной радостью приветствовали моряков с пятиконечными звездами на рукавах форменок.

– Хелло, товарищи! На «России» пришли?

– Так точно! – дружно и весело отвечали моряки.

А негритянка не сводила с них глаз, больших, блестящих. Взгляд ее выражал и благодарность, и уважение, и не испытанное ранее чувство гордости за белых людей. Она все порывалась что-то сказать, да, видно, так и не решилась.

Трамвай остановился на конечной остановке. Опустили вагоны. С моря дул свежий прохладный ветер. Вожатый торопливо выпрыгнул из своей кабины и, глазами отыскав в толпе советских моряков, крикнул им вдогонку:

– Когда снова к нам придете, не забудьте прокатиться на моей таратайке! Не забудьте – линия «Б», номер двадцать!

«Если только меня не выгонят после сегодняшней истории, – проговорил он уже про себя. – Но ради такого случая стоило рискнуть».

Моряки, весело помахав ему, зашагали по набережной. Вожатый постоял, поглядел им вслед. Вдруг он заметил, что и негритянка стоит неподалеку от него, высоко поднимая над головой своего ребенка, словно желая, чтобы эти два белых человека навсегда остались в его памяти.

Вожатый подошел к женщине и помог ей повыше поднять ребенка.

– Вон что покажите ему, – сказал он. – Пусть запомнит!

Женщина жадно водила глазами по рейду. У самого берега стояло небольшое белоснежное судно. Оно словно светилось на сером фоне неба и воды. На носу яхты большими черными буквами было начертано «Линч». Вожатый почувствовал, как женщина вздрогнула.

– Дальше, смотрите дальше! – настойчиво повторил он.

И она увидела. Там, у причала, величавый и гордый, стоял огромный корабль. О, этот корабль был неизмеримо больше яхты «Линч»! Разве могло это легковесное суденышко, эта яхта, состязаться с таким огромным могучим кораблем. Его путь славен и далек... Кораблю, на борту которого плавают такие моряки, не страшны никакие бури.

На носу и на корме корабля золотом было вытеснено его имя.

– Россия! Рос-си-я! – по слогам повторял вожатый ребенку, как будто малыш мог его понять.

Потом вожатый вспомнил про свой двадцатый номер. Он вытащил из кармана случайно завалявшуюся там резиновую игрушку, сунул ее в складки одеяльца, отдал ребенка негритянке и, невесело насвистывая, пошел обратно к вагону.

А женщина долго еще стояла на пристани и все глядела на корабль.

1949.

Переводчик: Евгения Леваковская.

Проза Советской Литвы. 1940–1950. Вильнюс: Государственное Издательство Художественной Литературы Литовской ССР, 1950
Некаýalar